

ОБРАЗ АНТАГОНИСТА В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВВ.

Буданова Г.Е.

[*budanova_72@mail.ru*](mailto:budanova_72@mail.ru)

Магистрант 2 года обучения, ЕНУ им. Л.Н. Гумилева,

Нур-Султан, Казахстан

Научный руководитель - Г.З. Шашкина

В культурологическом смысле двойничество является древнейшей универсальной моделью отношения человека и мира, основанной на философской концепции бинарности как основы мироздания и мировосприятия. Двойничество является способом сюжетно-композиционного развертывания образов и проявляется практически в любом произведении на уровне структуры и свойств, которые составляют внутреннюю и внешнюю сущность художественного произведения. Как с точки зрения психологии, так и с точки зрения литературного анализа, все типы двойников можно разделить на две группы в соответствии с их отношением к первоначальному «я»: двойник вне «я» и двойник внутри «я». С. Кржижановский в своей работе «Философема о театре» определяет эти два типа как «удвоенный» персонаж или *individuum* и персонаж, раздвоенный внутри себя, или *dividuum*. Понятие «двойник вне “я”» объединяет такие типы как развенчивающий двойник или карнавальный, двойник-антагонист, двойник-трикстер, двойник-близнец.

Понятие «развенчивающего» двойника, который пародирует главного персонажа, введено М. Бахтиным. О. Фрейденберг, опираясь на эту теорию, выводит понятие двойника-дублера, который находится в отношениях взаимозамещения и взаимодополнения с главным героем. С. Агранович и И. Саморукова в своей монографии «Двойничество» исследуют три основных типа двойников в русской литературе: «двойники-антагонисты», «карнавальные пары» и «близнецы». Тип «двойник внутри “я”» получил особенное развитие в литературе романтизма. Под это понятие подпадает демонический двойник, антипод человека, его «тёмная сторона», *alter ego*, противник, «черный человек». Пара «человек – двойник» в литературе зачастую перерастает во внутреннее раздвоение личности, встречу с самим собой. При этом как герой, так и его зеркальное отражение предъявляют права на свободу. Двойничество, раздвоение личности, осознание в себе двойника являются показателями неадекватности героя самому себе, его внутреннего несовершенства. Особый интерес представляют двойники-соглядатаи, которые наблюдают за самими собой со стороны, совершенно раздваиваясь.

Осознание себя в мире, отчуждения собственного «я» от мира «других» занимает большое место в литературе XIX-XX вв. Авторы пытались изменять или «модернизировать» образ антагониста, чтобы как-то отойти от проложенной ещё античными драматургами дороги, выставляя в качестве отрицательной, противодействующей главному герою, протагонисту, силы, например, некую организацию или общественный порядок в целом.

Антагонист - противник, соперник главного героя (протагониста). Их противостояние - один из возможных вариантов конфликта в литературном произведении и одновременно его движущая сила. Антагонист может быть единичным или групповым (семья, организация). Это может быть персона или непersonифицированная сила (природная стихия, общественный строй). Антагонистом может быть как внешняя сила, так и внутренняя (моральные принципы или черты характера), когда герой фактически сражается сам с собой.

Венчают типологию антагонистов **герои-«злодеи»**. Чаще всего, это некая грубо вылепленная фигура. Обычно по внешнему виду злодея сразу можно определить, кто перед вами, идеи у него самые абсурдные и одиозные, зато читателю, а чаще всего зрителю, легко определить, кто перед ним. Это некая упрощённая форма, не лишённая, впрочем, своего обаяния.

К этому типу можно отнести тех отрицательных персонажей, которые наиболее соответствуют своему древнегреческому прообразу. Это, в первую очередь, Кабаниха из «Грозы» Островского. Сама пьеса насыщена атмосферой подлинной античной трагедии: от метушейся, загнанной в угол главной героини до ощущения непреодолимого рока, который движет всеми судьбами. Страх перед грозой равен страху перед роком или карой богов. Кабаниха жестока и деспотична, даже бесчеловечна («ничего жалеть такую жену, ее надо живую в землю закопать...») (о Катерине)). Однако все её личные характеристики проистекают из общего набора недостатков, созданных автором, чтобы изобличить косность во взглядах его времени. Кабаниха есть сгусток всего плохого, с чем писатель борется. И не трудно догадаться, на чьей стороне сам автор. Под этим углом зрения Кабаниха становится

даже значительнее Катерины: ведь Островскому важнее было изобличить зло. А Катерина в данном случае – это пример того, как живую, любящую душу губит то самое зло.

В «Недоросле» Фонвизина тот же подход, но с комической, аристофановской стороны. Здесь нет уже безжалостного рока, разбитых судеб и страданий. Госпожа Простакова во многом та же самая Кабаниха, только теперь в комедии. На примере Кабанихи Островский показывает, как жестоко может быть косное, тёмное общество. Фонвизин же указывает с улыбкой на то, как глупо ведут себя необразованные люди, даже если принадлежат к дворянской фамилии.

К этому же типу можно отнести и барыню (И.С. Тургенев, «Муму»). Все мы знаем печальную историю про то, что Герасим утопил любимую собачку Муму. Но сделал он это из-за того, что так ему приказала сделать деспотичная барыня. Эта же помещица до этого выдала прачку Татьяну, в которую был влюблен Герасим, за пьяницу башмачника Капитона, чем сгубила обоих. Барыня по своему усмотрению вершит судьбы своих крепостных, нисколько не считаясь с их пожеланиями, а подчас и со здравым смыслом.

Для последующих произведений характерно введение **героев-двойников**. Мотивы отстранения от собственного «я», игра понятиями «я» и «другой», возникновение внутреннего двойника сближают творчество писателя с романтиками и символистами.

«Другой» – один из самых интересных типов антагониста. Ясно, что антагонист – это всегда противопоставление положительному герою. Однако под «другим» мы будем понимать героя-антагониста, которого нельзя охарактеризовать, как отрицательного персонажа, каким-либо образом вредящего протагонисту. В данном случае антагонист – это только другой взгляд на мир.

Самый яркий представитель этого типа – Андрей Штольц из романа «Обломов». Его принято подавать как пример деятельного, трудолюбивого человека, а самого Обломова – как «антигероя», которому мешают собственные недостатки. Однако стоит лишь приглядеться, чтобы понять, что дела обстоят чуть ли не наоборот. Да, Андрей Штольц умный и энергичный человек, но многие усилия не приносят ему счастья. Андрей в определённом смысле завидует беззаботности и спокойствию Обломова. Штольц дружит с Обломовым, часто навещает его; он женится на его бывшей возлюбленной – Андрей словно хочет разгадать секрет душевного умиротворения Обломова, пуская в ход любые средства. И, вообще, любопытно, что Обломов, не вставая с дивана, становится, «центром притяжения» для многих деятельных людей.

Штольц – это труд без удовольствия от его плодов. Обломов – спокойствие без какого-либо труда или усилий. Это две неравнозначные философии. Андрей Штольц – активный, но «мелкий» человек нового механизированного века, его удел – нескончаемая суета, он только стремится к счастью. Обломов – мысленная цель Штольца, философ-созерцатель (его «недостатки» превращаются в принципы), мгновенно доходящий до сути вещей. Именно ему писатель дарит самые проникновенные слова и мысли, за которыми виден сам автор («Человека, человека давайте мне!»).

Также к «другим» можно отнести неоднозначных персонажей Достоевского. В соответствии с теорией М. Бахтина о полифонических романах писателя все герои произведений Достоевского являются разными, чужеродными друг для друга голосами. Бахтин настаивает: «Утвердить чужое «я» не как объект, а как другой субъект – таков принцип мировоззрения Достоевского». Отсюда их одиночество и конфликты. Несмотря на «многоголосье» в романах писателя, мы всегда интуитивно чувствуем, за кого выступает сам автор. Есть персонажи, к которым у читателя должна проснуться антипатия, например, Лужин. Есть и персонажи, лишённые голоса, – старуха-процентщица. Сам Достоевский в письме к брату называл её воплощением зла. Вряд ли после таких слов можно говорить о равенстве персонажей. Достоевский открывает нам Соню Мармеладову лишь как страдающую, отзывчивую натуру, пряча от глаз «ремесло» этой девушки. Студент, решившийся на убийство, вызывает у нас сочувствие, а Лужин – отторжение только из-за

привычного для его среды мещанского взгляда на жизнь. Достоевский позволяет нам выслушать каждого героя, но во многом сам направляет читательское отношение к ним.

Следующий тип антагониста, часто встречающийся в русской литературе – «инертный». Это такой тип антагониста, который легко настраивает читателя или зрителя против себя. В них нет никаких особенностей, которые могли бы привлечь внимание. Такие антагонисты гораздо слабее и ниже по уму и статусу своих противников и много страдают от борьбы с ними.

К такому типу можно отнести Молчалина из пьесы Грибоедова «Горе от ума». Конфликт Чацкого и Молчалина – это история неравной борьбы и противоречий, переходящих в ложь. Бедный выскочка из Твери, чья будущая судьба находится в лапах благодетелей. Он ночует в комнатухе под лестницей, даёт нам представление о том, как «счастлив» этот человек. Особенно, по всей видимости, его «забавляет» нежеланное внимание Софьи Фамусовой. Откажи он ей – потеряет место, пожалуйся отцу – потеряет место. Ситуация Молчалина напоминает ловушку и без участия Чацкого. «Молчалины блаженствуют на свете» – Чацкий, конечно, имел в виду не именно самого Молчалина, а подобных ему людей, заискивающих, со всем соглашающихся, а чаще всего просто молчащих. Трудно говорить о противостоянии Чацкого и Молчалина, когда никакой борьбы, по сути, и нет. Так Молчалин должен был стать, скорее всего, сатирой на само общество в целом, не исключая и Чацкого; на общество, которое допускает в свой круг подобных Молчалину личностей и даже гордится ими.

Молчалин – герой «ни о чем», секретарь Фамусова. Он верен завету своего отца: «угождать всем людям без изъятья – хозяину, начальнику, слуге его, собачке дворника». В разговоре с Чацким он излагает свои жизненные принципы, заключающиеся в том, что «в мои лета не должно сметь свое суждение иметь». Молчалин уверен, что нужно думать и поступать так, как принято в «фамусовском» обществе, иначе о тебе будут судачить, а, как известно, «злые языки страшнее пистолетов». Он презирает Софью, но готов ради угождения Фамусову сидеть с ней ночами напролет, играя роль возлюбленного.

К подобному типу можно отнести и Грушницкого из романа «Герой нашего времени» Лермонтова. Если в Молчалине уже изначально есть «кривизна души», то Грушницкого до этого доводят обстоятельства. Молчалин испорчен, но безобиден, в принципе. Грушницкий же готов дойти до смерти.

У Грушницкого в повести Лермонтова нет имени. Он «двойник» главного героя – Печорина. По описанию Лермонтова, Грушницкий – «... из тех людей, которые на все случаи жизни имеют готовые пышные фразы, которых просто прекрасное не трогает и которые важно драпируются в необыкновенные чувства, возвышенные страсти и исключительные страдания. Производить эффект – их наслаждение...». Грушницкий очень любит пафос. Искренности в нем нет ни грамма. Грушницкий влюблен в княжну Мери, и она поначалу отвечает ему особым вниманием, но потом влюбляется в Печорина. Дело заканчивается дуэлью. Грушницкий настолько низок, что сговаривается с друзьями и они не заряжают пистолет Печорина. Такую откровенную подлость герой не может простить. Он перезаряжает пистолет и убивает Грушницкого.

Говоря о Грушницком, нужно упомянуть множество деталей. Сам роман создан таким образом, чтобы описываемые события выглядели наиболее живо и неоднозначно. Об истории с Грушницким и княжной Мери мы узнаём со слов самого Печорина. Если верить Печорину, то главный недостаток Грушницкого – это молодая горячность и желание нравиться. Вряд ли эти качества можно отнести к порокам. А также Грушницкий, в отличие от Печорина, напроць лишён умения держаться. Печорин действует, не изменяя своей натуре, однако почти всегда достигает задуманного. Грушницкий же, стремясь подчеркнуть свое недовольство или гордость, чаще всего выглядит комично. Однако он единственный, кто одолел Печорина, пусть и ценой собственной жизни. Так на дуэли Печорин хотел лишь припугнуть соперника, но Грушницкий принудил его выстрелить, тем самым заставив

поступить по-своему. («Стреляйте! – отвечал он (Грушницкий), – я себя презираю, а вас ненавижу. Если вы меня не убьете, я вас зарежу ночью из-за угла».)

В заключении к этому типу хотелось бы упомянуть Ситникова из романа «Отцы и дети» Тургенева. Как и Кукшина, он подвергается осмеянию Базарова, но в первую очередь даже не из-за поверхностности взглядов и погоней за модой. Особо Базарову неприятно происхождение Ситникова. Эта главная черта как бы подсказывает нам, что от такой личности ни глубины во взглядах, ни ума не жди. Вообще, для Базарова, как человека идейного, очень странно внимание к таким «мелочам».

Следующий широко представленный в русской литературе тип антагонистов – **герои-«подлецы»**. Главная проблема таких антагонистов в том, что они могут быть наделены незаурядным умом, характером, волей, но всё перекрывает один явный проступок. Поэтому любые попытки разобраться в его натуре так или иначе упираются в то, что уже никак не назовёшь, кроме как подлостью.

Целая галерея антагонистов этого типа создана А.С. Пушкиным. К этому типу можно отнести, например, Швабрина из произведения «Капитанская дочка» Пушкина. Алексей Швабрин - антипод главного героя повести Пушкина «Капитанская дочка» Петра Гринева. В Белогорскую крепость он был сослан за убийство на дуэли. Швабрин несомненно умен, но при этом коварен, дерзок, циничен, насмешлив. Получив отказ Маши Мироновой, он распускает о ней грязные слухи, на дуэли с Гриневым ранит его в спину, переходит на сторону Пугачева, а попав в плен к правительственным войскам, распускает слухи о том, что Гринев - предатель. В общем и целом – лжец и предатель

Мазепа (А. Пушкин, «Полтава») - персонаж исторический, но если в истории роль Мазепы неоднозначна, то в поэме Пушкина Мазепа - однозначно отрицательный персонаж. Мазепа предстает в поэме как человек абсолютно аморальный, бесчестный, мстительный, злобный, как вероломный лицемер, для которого нет ничего святого (он «не ведает святыни», «не помнит благостыни»), человек, привыкший любой ценой добиваться поставленной цели. Соблазнитель своей юной крестницы Марии, он предает публичной казни ее отца Кочубея и – уже приговоренного к смерти – подвергает жестокой пытке, чтобы выведать, где спрятал тот свои клады. Без экивоков обличает Пушкин и политическую деятельность Мазепы, которая определяется только властолюбием и жадной мести Петру.

Кирила Троекуров (А.С. Пушкин, «Дубровский») – пример русского барина, испорченного своей властью и средой. Он проводит время в праздности, пьянстве, сластолюбии. Троекуров искренне верит в свою безнаказанность и безграничные возможности («В том-то и сила, чтобы безо всякого права отнять имение»). Барин любит свою дочь Машу, но выдает её за нелюбимого ею старика. Крепостные Троекурова похожи на своего хозяина - троєкуровский псарь дерзит Дубровскому-старшему – и тем самым ссорит старых друзей.

Итак, в галерее литературных героев особое место занимают антагонисты.

Антагонист – это конкретное лицо, персонаж, противостоящий главному герою в конфликте и совершающий конкретные поступки, идущие в разрез с интересами протагониста. Еще антагонист – это полноправный участник центрального конфликта произведения.

Антагонист – это всегда конкретный персонаж, который в процессе повествования совершает конкретные поступки, направленные во вред главному герою и его интересам. Злодей строит козни, покушается на жизнь героя и сохранность его близких, пытается подставить и оклеветать его – то есть идет на все, чтобы добиться полного уничтожения противника. И чем изощреннее действует наш злодей, тем он интереснее.

Противостояние героя и антагониста – это и есть конфликт, основа драматической истории. мотив введения протагониста и антагониста задействует все элементы художественной структуры в текст и является средством раскрытия личности героя, способом продемонстрировать полярность его внутреннего мира. Присутствие в произведениях русской литературы XIX-XX вв. двойников-антагонистов особым образом

влияет на построение сюжетного и повествовательного уровней. В произведениях русской классики представлены разнообразные типы двойников, такие как развенчивающие, карнавальные, пародийные, антагонисты, трикстеры, подпадающие под категорию «двойник вне “я”», а также всевозможные типы внутренних двойников: alter ego, демонический двойник, двойник-соглядатай.

Список использованных источников

1. Агранович С.З., Саморукова И.В. Двойничество. – Самара: Самарский университет, 2001. – 132 с.
2. Бахтин М. М. Проблемы поэтики Достоевского. – М.-Augsburg, 2002. – 167 с.
3. Мелетинский Е.М. О литературных архетипах. – М., 1994. – 136 с.
4. Фрейденберг О.М. Поэтика сюжета и жанра. – М.,1994. – 448 с.